

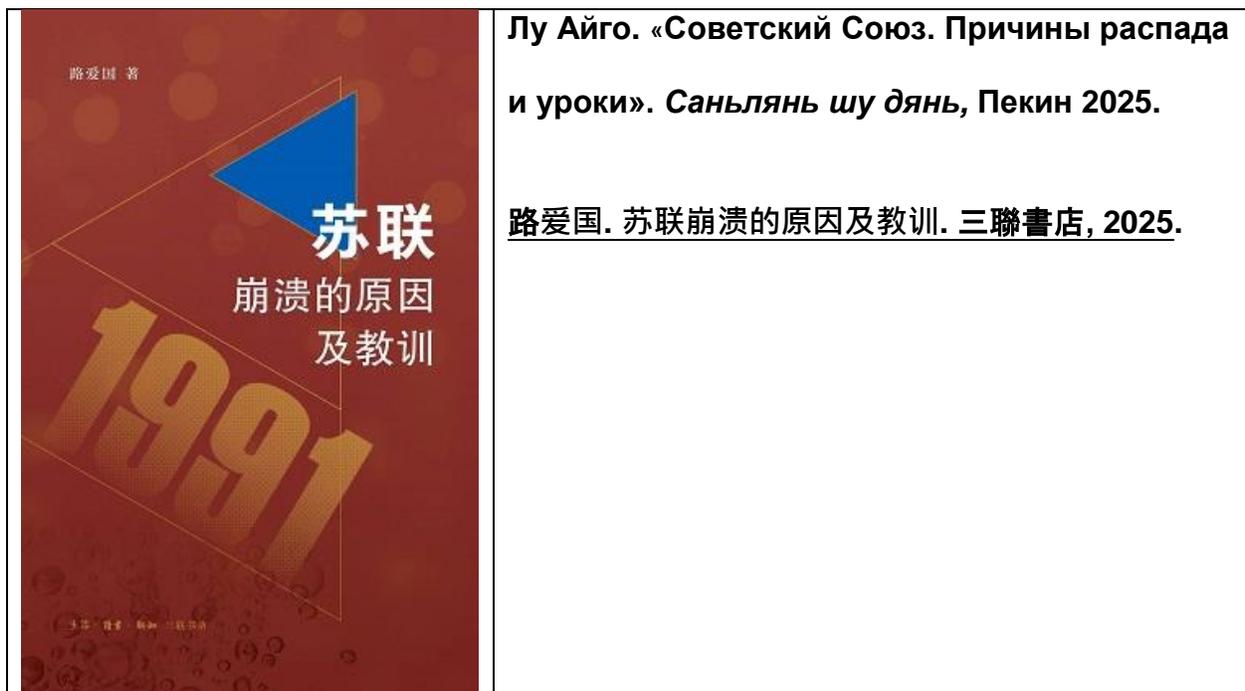
[Владимир Попов](#)

Д.э.н., главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН

Рецензия на книгу «Советский Союз. Причины распада и уроки» Лу Айго, Саньянь шу дянь, Пекин, 2025 (路爱国. 苏联崩溃的原因及教训. 三聯書店, 2025)

В Китае нет недостатка в исследованиях о крахе СССР и советского социализма, об уроках этого краха для Китая. В обзорной [статье](#) о достижениях китайской советологии отмечается, что эксперты в целом признают прямую ответственность М. Горбачева за крах СССР, но не считают единственной причиной «предательство» нескольких лидеров, а вскрывают пороки советской модели — неспособность стимулировать энтузиазм и творчество масс, замедление темпов экономического роста и снижение эффективности — факторы, не позволяющие считать, что развал СССР был случайностью. «Исследователи показали, что крах СССР наступил именно из-за того, что КПСС потеряла народную поддержку», — [пишет](#) Цо Фэнжуна.

На этом фоне рецензируемая книга резко выделяется. Лу Айго [доказывает](#) прямо противоположное. Согласно автору, не Компартия потеряла поддержку народа, а народ лишился контроля над руководством Компартии и государства. Главная идея заключается в том, что СССР развалился не от внутренних проблем, хотя их и было достаточно, а из-за изменения курса, инициированного элитой, из-за «червоточины в сердце», если использовать известную китайскую идиому, которая примерно соответствует русской поговорке «рыба гниет с головы».

Китайские тексты переводить сложно даже не из-за идиом и игры слов, а из-за огромного исторического и культурного наследия, знакомого каждому китайцу со школьной скамьи. Как говорят историки, китайская цивилизация отличается от всех других в том числе и значительным массивом древних рукописей — письменных документов-памятников, фиксирующих историю страны на протяжении пяти тысячелетий. В многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI–V века до н.э.), хоть и были написаны раньше, детальность описания событий и фактов беспрецедентна. По охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

Мне неоднократно доводилось проверять, как молодые китайцы знают свою литературу и историю, и каждый раз приходилось только удивляться, насколько хорошо. Так что иностранные читатели при дословном переводе китайских авторов, к сожалению, упускают множество смыслов, параллелей и аллюзий.

Вот и «червоточина в сердце» — не просто идиома. Обстоятельства, сделавшие повсеместно известным это выражение, примечательны. Цзэн Гофань, военачальник, государственный деятель и писатель, в 1867 г., будучи губернатором провинции Цзянси, предсказал падение цинской династии и хаос. «Я боюсь, что произойдут внезапные перемены. Если сердце не прогнило, крах не наступит. Я предполагаю, что... власть будет свергнута, а затем государство останется без господина, и люди будут править сами. Это случится менее, чем через 50 лет!»

Так и случилось, династия Цин пала в 1911 г., страна вскоре фактически распалась, огромные территории были захвачены японцами. «Прогнившее сердце» относится и к развалу руководящего ядра страны в Советском Союзе, считает автор, без этого условия социалистическая система никогда бы не рухнула так быстро.

В книге рассматриваются традиционные объяснения развала СССР — экономические трудности, межнациональные трения, закостенелость политической системы, общественное недовольство, внешние факторы и т.д. Фактически автор обсуждает весьма популярный у западных экспертов в горбачевский период вопрос — был ли советский социализм реформируем или его крах был неизбежен? В книге представлен однозначный ответ: никакой неотвратимости не было — реформы были необходимы, они могли бы завершиться успешно, как это произошло в Китае в 1970–1980-е гг. Однако даже без реформ кризис в СССР, если и назревал, то только через пару десятилетий.

Собственно говоря, это ясно сегодня из-за захватывающих дух достижений современной китайской модели. Многие, конечно, скажут, что Китай уже перешел от социализма к капитализму. Возможно, и так, но успех такого перехода и достижения компартии Китая безусловно завораживают [воображение](#). И как ни называть китайскую модель, ее отличие от западной либеральной модели очевидно: коэффициент Джини — уровень неравенства в распределении доходов и богатства ([с учетом размеров страны и неравенства внутри и между провинциями](#)) существенно ниже, чем в схожих по уровню развития странах. Неудивительно, что китайские ученые так озабочены выяснением причин развала СССР и советского социализма.

Если им удастся раскрыть эту тайну, КНР под руководством Компартии сможет стать лидером мира, а китайская модель распространится по всей планете.

Как пишет Лу Айго, развал СССР — уникальный случай, с которым сложно сопоставить другие события в истории.

«Это сочетание смены режима, институциональной реформы и распада государства, причем эти радикальные политические и социальные изменения были осуществлены ненасильственным, мирным путем — не было ни войны, ни военного противостояния, ни крупномасштабного кровавого конфликта, ни даже масштабных социальных беспорядков. Очень примерная аналогия — «славная революция» в Великобритании 1668 г., в ходе которой власть перешла от монарха к парламенту. Но если мирный переход Великобритании от феодализма к капитализму имеет все основания называться «славной революцией», то советскую реформу, начатую М. Горбачевым и мирно завершившую исторический регресс от социализма к капитализму, можно смело назвать «позорной революцией»... Сможет ли будущая социалистическая система преодолеть различные проблемы и препятствия на своем пути и избежать повторения ошибок Советского Союза? Это во многом зависит от того, сможем ли мы правильно понять причины распада Советского Союза и извлечь из этого соответствующие исторические уроки» (*вступление к части 4*).

«Если капитализм неизбежно порождает «своего собственного могильщика» — пролетариат, то, к сожалению, распад Советского Союза показывает, что и советская социалистическая система породила своего собственного могильщика — бюрократический привилегированный класс в лице высших руководителей партии и правительства... Внутри советской системы выросла чуждая правящая группа, которая была настроена против системы и, когда условия позволили, нанесла смертельный удар по советской социалистической системе, что привело к распаду Советского Союза» (*предисловие*).

Эта мысль повторяется автором многократно.

«Мое основное суждение, — пишет автор, — заключается в том, что распад Советского Союза стал спланированным результатом личного руководства и полной реализации планов высших партийных и государственных руководителей Советского Союза. В этом процессе они использовали партийную и государственную власть, находившуюся в их руках, применили все возможные законные и незаконные средства, умело эксплуатировали проблемы советской системы, постоянно создавали новые условия для преобразований и изменений, мобилизовали и получили поддержку некоторых общественных сил, особенно элиты высшего класса, и шаг за шагом подталкивали Советский Союз на путь необратимых институциональных преобразований, что в конечном итоге привело к распаду страны и краху социалистической системы. Таким образом, можно сказать, что крах советского социализма был прямым результатом антисистемного движения, инициированного и полностью реализованного советским партийно-государственным руководством» (*предисловие*).

Насколько автор уверен в эпохальности развала СССР для судеб цивилизации, настолько же он и скромнен в оценке своего вклада в объяснение этого события. Существует [версия](#), согласно которой в 1970-х гг. кто-то спросил премьера Чжоу Эньлая, что он думает об исторической роли Французской революции, произошедшей 200 лет назад, и премьер Чжоу ответил: «Пока что слишком рано судить». Это утверждение, считает автор, применимо и к распаду Советского Союза в конце XX века.

Почему советская элита хотела перейти к капитализму

Как пишет автор, хотя высший класс в Советском Союзе пользовался различными привилегиями, а его уровень жизни был намного выше, чем у простых людей в их собственной стране, по сравнению с высшей элитой капиталистической системы (то есть с «международным стандартом») разрыв был огромен. В мире капитализма высшие менеджеры корпораций, не говоря уже о собственниках, получают приблизительно одинаковые доходы в богатых и бедных государствах, а разрыв в зарплате рабочих, особенно низкоквалифицированных, между развитыми и развивающимися странами огромен. Единственное исключение из этого правила — социалистические страны, где государственные чиновники и управляющие госпредприятиями получали хоть и больше рабочих, но значительно меньше своих коллег в капстранах, и таким образом чувствовали себя обделенными.

«...Зарботная плата высших партийных и государственных деятелей в Советском Союзе превышала минимальную зарботную плату рабочих минимум в 20–30 раз, а максимум — в 40–50 раз. Этот разрыв кажется огромным, но в советской системе зарплаты и другие сопутствующие субсидии были единственным законным источником дохода почти для всех, включая чиновников... Кроме того, преимущество в зарботной плате руководителей партии и правительства не столь очевидно по сравнению со специалистами и техническими работниками того же уровня. Поэтому, если только они не прибегали к незаконным методам, таким как коррупция и взяточничество, членам привилегированного класса было трудно получить какой-либо скрытый доход, кроме четко оговоренных зарботной платы и социальных привилегий. Существовал установленный законом потолок доходов всех должностных лиц, включая высшее руководство. Что еще важнее, их привилегированное положение в основном давало только возможность большего потребления для них самих и их семей, и его трудно или невозможно было превратить в накопление частного богатства, которое могло бы передаваться из поколения в поколение» (глава 7).

«С одной стороны, советская социалистическая система создала бюрократический класс, который пользовался статусом и привилегиями, превосходящими другие социальные группы; с другой стороны, это не могло удовлетворить их потребности, так как их способность приобретать неограниченное богатство и передавать его из поколения в поколение была ограничена...

Таким образом, эта руководящая группа, продукт советской социалистической системы, постепенно превратилась в самую мощную чуждую силу внутри системы. Если у советской системы и был фатальный недостаток, так это то, что она создала руководящую группу и привилегированный класс, которые занимали высокое положение в системе, но не могли быть эффективно ограничены, и тем самым превратились в ее собственных могильщиков. Социалистическая система, возможно, отвечала интересам трудящихся масс, но она, очевидно, не могла удовлетворить бесконечную жадность привилегированного класса» (глава 7).

Точности ради отметим, что разрыв в доходах между элитой и простыми рабочими был еще меньше, чем считает автор. Минимальная зарплата в СССР в 1972–1991 гг. — 70 рублей, зарплата министра — 800 рублей. Даже с учетом государственных дач, санаториев, машин с шоферами и прочих привилегий высшей бюрократии разрыв в 50 раз кажется преувеличением. Но тем более ущемленным чувствовал себя правящий класс в сравнении с менеджерами и госчиновниками на Западе, где разрыв в доходах исчислялся тысячами и даже миллионами раз.

Единственное, что могло примирить советский бюрократический класс с ограничениями его привилегий в рамках социалистической системы — социальный динамизм, быстрые темпы догоняющего развития, позволявшие надеяться на то, что

более конкурентоспособная советская система вскоре обгонит капитализм, так что все население, от простых рабочих до элиты, станет жить лучше, чем при капитализме. Так было в 1950–1960 гг., когда СССР быстро сокращал разрыв в уровне производительности труда и подушевых доходов с развитыми капиталистическими странами. Но с середины 1970-х гг. произошло замедление роста и разрыв перестал сокращаться (см. *рис. 1*). Лу Айго обращает внимание на замедление роста в СССР в 1970–1980-е гг. и [ссылается](#) на российского автора, объясняющего, как менялось мировосприятие советского правящего класса.

Рис. 1. ВВП на душу населения в Российской империи, СССР и России в % к уровню США

Источник: база данных [проекта](#) Мэддисона, 2020 г.

«[Рассказывают](#), что в 1964 г., после официальных переговоров министров связи Гондураса и СССР в Тегусигальпе, гондурасский министр, г-н Родригес, пригласил г-на Иванова, к себе на асьенду недалеко от столицы. Он показал г-ну Иванову свое небольшое поместье площадью около 5 га с фруктовым садом, особняк с 7 спальнями на втором этаже, бассейн, гараж с коллекционными лимузинами, помещения для многочисленной прислуги. На обеде г-н Иванов с удовольствием отведал экзотические блюда, многие из них — впервые в жизни. Г-н Родригес показал фото своих детей, которые учились в Гарварде и Принстоне. На следующий день состоялась прогулка на одном из раритетных лимузинов и рыбалка на личной яхте г-на Родригеса. Г-н Иванов в Москве жил на порядок скромнее, но не особенно завидовал г-ну Родригесу. Он знал, что народ Гондураса беден, многие в стране голодают, а продолжительность жизни в Гондурасе составляет всего 50 лет против 70 лет в СССР; что советские, а не гондурасские ученые получают нобелевские премии, что первый искусственный спутник Земли и первый космонавт в мире — советские. Наши подводные лодки бороздят мировой океан, — думал, г-н Иванов, — мы обогнали всех даже в области балета, мы сокращаем разрыв с Западом по уровню экономического развития, а в социальной области наше рабоче-крестьянское государство строит социализм с человеческим лицом — первое в истории новое общество социального равенства и справедливости. Г-н Иванов гордился достижениями своей страны и ее социальным динамизмом.

20 лет спустя, в 1984 г., преемник г-на Иванова на посту министра связи и коммуникаций г-н Петров посетил Гондурас для переговоров со своим визави, министром Гонзалесом, преемником г-на Родригеса. Он был неприятно удивлен и даже раздражен тем, что увидел. Он узнал, что продолжительность жизни в Гондурасе выросла за последние два десятилетия с 50 до 65 лет, тогда как в СССР за то же время продолжительность жизни не только не выросла, но даже и сократилась, тем самым став едва-едва выше, чем в Гондурасе. Советский Союз был более развит экономически и технологически, но г-н Петров хорошо понимал, что он лично, похоже, никогда не будет жить так хорошо, как г-н Гонзалес. И он спрашивал себя — почему? Разве он не заслужил того, что имел г-н Гонзалес? Чьи подводные лодки бороздят мировой океан в конце концов? Кто впереди планеты всей в науке и искусстве, в космосе и балете, Гондурас или СССР?

Раньше, — рассуждал г-н Петров, — Советский Союз рос быстрее, чем Запад, так что мы были уверены, что наши трудности временные и что мы скоро догоним богатые страны. Раньше мы видели свет в конце туннеля и были готовы терпеть лишения ради высших целей добра и справедливости. Теперь, если мы уже не догоняем Запад, зачем нам страдать и терпеть? К черту социализм! Может быть, это и прогрессивная социальная система, но не для меня. При капитализме в СССР я лично буду жить лучше, чем все министры Гондураса вместе взятые». [Примечание автора: совпадения с реальными историческими персонажами — чистая случайность].

Так менялось отношение советской элиты к социализму в 1970–1980-е гг., когда командная система утратила динамизм. Ранее эта элита была лояльна режиму, несмотря на более низкий, чем на Западе, уровень жизни. Энтузиазм элиты питал именно социальный динамизм — сокращение разрыва в уровнях экономического и социального развития, вера в то, что социализм как более прогрессивная система превзойдет в конце концов капитализм по всем показателям. Эта вера, однако, была поколеблена снижением темпов экономического роста в 1970–1980-е гг., приведшим в итоге к застою.

Экономическое соревнование капитализма и социализма

«Опыт Советского Союза с момента его создания до его окончательного распада показывает, что становление социалистической модели развития как аналога капитализму осуществимо и обратимо, то есть всегда существует возможность повернуть вспять... Даже после многих лет быстрого экономического развития Советский Союз (и другие социалистические страны) все еще имел значительный разрыв в уровне производительности по сравнению с наиболее развитыми капиталистическими странами мира, не говоря уже о достижении самого высокого уровня производительности в мире. Развитые капиталистические страны сохранили определенную тенденцию к росту, по крайней мере до сих пор, с помощью технологических инноваций и других способов использования ресурсов, а также серии реформ в социальной сфере...

Производительность труда при социализме, таким образом, еще не достигла точки, совершенно несовместимой с оболочкой капитализма... Если бы производительность труда в Советском Союзе достигла самого высокого уровня в мире, богатство текло бы рекой, а его народ наслаждался бы самой материально и духовно богатой жизнью в мире, не было бы и речи о том, чтобы повернуть развитие социализма вспять» (глава 9).

Для сторонников социализма в СССР и мире этот вопрос, видимо, представляет наибольшую важность. Если бы только советская система смогла догнать и перегнать Запад по производительности труда, то вопрос «кто-кого» был бы решен раз и навсегда, а элите не было бы смысла изменять народу. «Производительность труда,

— писал В. Ленин в 1919 г., — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда». Но для китайских авторов, похоже, этот вопрос носит второстепенный характер — рост китайской экономики высок как при плановой, так и рыночной системе, в результате чего удается догнать развитые страны Запада.

Секрет китайского успеха, возможно, заключается в том, что у плановой системы [существует](#) неумолимый жизненный цикл: через 20–30 лет после «большого толчка» наступает время обновления основного капитала, и тогда имманентно присущие централизованному планированию диспропорции становятся особенно обременительными и ведут к потере экономического и социального динамизма.

Следовательно, если и была необходимость ввести плановую систему в начале 1930-х гг. для осуществления «большого толчка», ее надо было реформировать в 1960-х гг., после того как ее основные достоинства были уже исчерпаны. Азиатский путь (Китай и Вьетнам, где плановая экономика сложилась только после Второй мировой войны) и здесь выглядит предпочтительным — в Китае рыночные реформы начались в 1979 г., во Вьетнаме — в 1986 г. Странам Восточной Европы, где плановая экономика просуществовала более четырех десятилетий (1945/1950–1990 гг.), и в особенности СССР, (более 60 лет (1929–1991 гг.)), пришлось испытать негативные последствия «старения» плановой системы в полной мере.

Наилучшим [сценарием](#) для СССР и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е гг. был бы переход к рынку по китайскому варианту, причем чем раньше, тем лучше. Если это случилось бы в 1960-е гг., то, наверное, произошло бы ускорение роста, как в Китае.

Почему переход к капитализму произошел без сопротивления масс

Почему высшему руководству Советского Союза удалось успешно достичь своей цели — свержения советской системы и развала страны всего за несколько лет? Вот вопрос, который, вероятно, в наибольшей степени волнует китайских интеллектуалов. Если «временные трудности роста», как в СССР в 1970–1980-е гг., причем даже не кризис, не падение производства, а просто замедление роста, приостановившее сокращение разрыва с Западом по уровню производительности, могут за несколько лет привести к развалу социалистической системы, то, значит, какие-то механизмы, обеспечивавшие прежде стабильность, отказали. Какие именно?

Если вдруг по каким-то причинам, может быть, даже внешним, не внутренним, быстрый китайский рост прекратится, как избежать в таком случае советского сценария? Ведь большинству населения социализм все равно будет выгоднее, чем капитализм, увеличивающий доходное и имущественное неравенство и дающий выгоды элите, а не народу. Как сделать так, чтобы мнение большинства заставило элиту отказаться от антисоциалистических планов?

Целая глава книги Лу Айго (глава 6) посвящена доказательству того, что правящая группа в СССР фактически пошла против общественного мнения. Данные опросов свидетельствуют, что большинство населения в конце 1980-х гг. и даже в начале 1990-х гг. выступало против перехода к капитализму, против частной собственности, против приватизации и против развала СССР.

«Если бы М. Горбачев с самого начала ясно дал понять, что конечной целью его реформ служит не совершенствование социализма, а полное изменение мира и замена социализма капитализмом, ситуация, вероятно, была бы совсем иной... Даже более радикальному лидеру-реформатору Б. Ельцину нелегко было раскрыть свое истинное лицо реставратора капитализма. Даже став президентом России и начав активно продвигать приватизацию, либерализацию и маркетизацию, он никогда публично не заявлял, что заменит социалистическую систему капиталистической... Фактически, он и его ближайшие соратники никогда публично не использовали слово «капитализм». Николай Рыжков, занимавший пост премьер-министра Советского Союза в 1985–1990 гг. и выступивший в качестве главного оппонента Б. Ельцина на президентских выборах в июне 1991 г., позже жаловался, что Б. Ельцин и его союзники «ни словом не обмолвились» о запланированных ими крупных социально-экономических изменениях. Хотя некоторые интеллектуалы, особенно некоторые экономисты, открыто выступали за капитализм, Б. Ельцин и его коллеги публично этого не поддерживали...

27 июля 1990 г. опрос среди 1864 представителей основных слоев и групп населения, в том числе 166 партийных работников показал, что 51% людей выразили свою лояльность социалистическому выбору, в то время как 32% не готовы его принять; 60% отрицательно относились к частной собственности, допускающей использование наемного труда без ограничений, а 20% — положительно; 65% выступили против разрешения безработицы, и только 18% выступили за...

Впоследствии, в мае 1991 г., за месяц до избрания Б. Ельцина президентом, масштабный опрос общественного мнения в европейском регионе России показал, что большинство людей поддерживают демократический социализм. 54% согласились с социализмом, а еще 23% респондентов выбрали шведскую модель. Лишь менее 1/5 людей одобряли относительно нерегулируемый капитализм, а это была именно та система, которую высшее руководство планировало и в конечном итоге реализовало» (глава 6).

Автор даже ссылается на известного советского диссидента Александра Зиновьева, который

«убедительно показывает, что почти никто в стране (за немногими исключениями) никогда не думал о каком-либо переходе от коммунизма к капитализму. Даже мошенники никогда не думали об этом, потому что были советскими мошенниками, то есть имели возможность наживаться нечестным путем, опираясь именно на условия советского общества. Идея перехода к капитализму появилась позже и пришла из верхов, извне, а не из низов общества».

На первом в истории СССР референдуме по вопросу о сохранении Союза только шесть республик, а именно три страны Балтии (Литва, Латвия и Эстония), Армения, Грузия и Молдова с общим населением менее 20 млн из 287 млн человек в СССР, бойкотировали референдум или проголосовали против. Около 76% советских граждан проголосовали за сохранение Союза.

Автор также ссылается на [исследование](#) об отношении к приватизации полтора десятилетия спустя после развала СССР, в 2006 г. Даже тогда опрос 28 тыс. человек в 28 бывших социалистических странах показал, что большинство поддерживало идею отмены приватизации.

«Авторы считают, что такая позиция обусловлена различными факторами, такими как предпочтение государственной собственности и сомнения в законности приватизации. Это показывает, что полномасштабное продвижение приватизации — целиком и полностью воля и решение высших лиц, принимающих решения, и их руководящей группы. Это не только не отражало общественного мнения, но и противоречило ему. Конечно, независимо от того, насколько сильно люди противились или не соглашались, приватизация в конечном итоге была завершена после распада Советского Союза, заложив экономическую основу для восстановления капиталистической системы и, таким образом, воплотив в жизнь изначальные идеи реформ М. Горбачева» (глава 6).

Как же получилось, что всего лишь за несколько лет реформ в Восточной Европе и СССР политическая ориентация населения сильно сдвинулась вправо, несмотря на то, что реформы привели к ухудшению экономического и социального положения абсолютного большинства населения? Действительно, опросы населения 1989–1990 гг. в СССР фиксировали в целом отрицательное отношение к капитализму — большинство явно не хотело торговли землей, хотя и поддерживало семейные фермы, и не питало симпатий к кооперативам, которые в то время продавали продукцию по рыночным ценам и были прикрытием и эвфемизмом для частных предприятий. Всего лишь год спустя, в 1991 г., население, поддержав Б. Ельцина на выборах, фактически [одобрило](#) его программу радикальных реформ — шокотерапии с быстрым дерегулированием цен и приватизацией.

Ответ, видимо, кроется в контроле элиты над СМИ. Если правящий класс решает сменить ориентацию и переформатировать общественное мнение, то при контроле над СМИ, это оказывается возможным. Как говорил Авраам Линкольн, можно обманывать часть народа все время, и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время. Причем это правило относится ко всем странам, в том числе и к демократическим с самой широкой свободой слова.

Демократия не гарантирует контроля народа над правящим классом

В XIX веке в западных странах именно богатые и образованные, находившиеся тогда на правом фланге политического спектра (меньше налогов, меньше участия государства, меньше социальных программ), ограничивали избирательные права населения (имущественный, образовательный ценз, ценз оседлости, недопущение темнокожих и женщин к электоральным процессам). В Европе в начале XIX века при введении выборов право голоса было предоставлено лишь нескольким процентам мужского населения. Расширение этой группы привилегированных шло медленно, так что еще и в конце XIX века правом голоса обладало относительное меньшинство мужского населения.

Правящий класс был обеспокоен тем, что предоставление избирательных прав низшим слоям приведет к избранию социалистических правительств, которые займутся перераспределением собственности и доходов через национализацию частных предприятий и прогрессивное налогообложение. Однако оказалось, что при контроле над СМИ убедить население не голосовать за перераспределение

богатства и доходов не так сложно, и введение всеобщего избирательного права прямой угрозой всевластию богатого меньшинства не представляет. Богатые в XX веке постепенно согласились на предоставление права голоса неимущим, женщинам, национальным и этническим меньшинствам, коренным народам, а сейчас, в XXI веке, эти же богатые и образованные переместились на левый фланг и требуют избирательных прав для всех, включая нарушителей закона и иммигрантов без гражданства.

Почему бедные голосуют за решения (например, против прогрессивного налогообложения), которые очевидно противоречат их интересам? Почему, вопреки фактам и логике, в массовом сознании сохраняются иррациональные стереотипы: высокие налоги и большое государство вредны для экономического роста, а вероятность быстрого обогащения выше, чем вероятность выиграть от прогрессивных налогов. Ответ, видимо, [кроется](#) в том, что эти стереотипы создаются и поддерживаются средствами массовой информации и политической системой, которые в значительной степени контролируются частным капиталом.

В знаменитой «Одноэтажной Америке» Илья Ильф и Евгений Петров рассказывают, как в Аризоне в 1935 г. безработный американец предложил рецепт создания справедливого общества:

— Надо отобрать у богатых людей их богатства... отобрать деньги и оставить им только по пять миллионов.

Мы спросили, не много ли это — по пять миллионов.

Но он был тверд.

— Нет, надо им все-таки оставить по пять миллионов. Меньше нельзя...

— Ну, как вы думаете, почему этот несчастный человек хочет оставить миллионерам по пяти миллионов? — спросил мистер Адамс, всезнающий компаньон советских журналистов очень прогрессивных убеждений. — Не знаете? Ну, так я вам скажу. В глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером. Американское воспитание — это страшная вещь, сэры!

Нобелевский лауреат по экономике и бывший главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц в книге о неравенстве [исследует](#) этот парадокс — в демократическом обществе даже скромные меры по ограничению крупных состояний (прогрессивный налог на доходы, например) не поддерживаются большинством населения, хотя и соответствуют его интересам. Без ограничений на участие частного капитала в СМИ, в рекламе и выборах владельцы крупных состояний без труда навязывают массовому сознанию представления, соответствующие их интересам, но не интересам большинства. Выборы формально проводятся по принципу «один человек — один голос», но их результаты фактически соответствуют выборам в акционерной фирме, в которых один голос стоит один доллар.

Исследования выборов в Конгресс США [показывают](#), что расходы на избирательную кампанию во многом объясняют победу кандидатов, особенно новых. Но дело, конечно, в финансировании не только избирательных кампаний, но и СМИ, некоммерческих организаций, политических партий и ассоциаций, институтов, рекламы и многого другого, что формирует общественное мнение. Каждый

избиратель стремится к максимизации своего благополучия, но как этого достичь, за каких кандидатов голосовать — это в значительной, если не в решающей, степени определяется господствующими стереотипами, в формировании которых финансовая поддержка играет первостепенную роль.

Безусловно, большая часть населения выиграет от введения прогрессивного подоходного налога; вероятность разбогатеть так, чтобы платить подоходный налог по самой высокой ставке, меньше, чем вероятность выиграть от высокого подоходного налога через больший доступ к общественным благам (образование, здравоохранение и лучшее социальное обеспечение). Тем не менее большинство выступает против крутой прогрессии налоговых ставок.

Также логично, что введение бесплатного образования и здравоохранения отвечает интересам большей части населения, однако в развивающихся странах такая система встречается крайне редко. Для максимального увеличения средней продолжительности жизни ограниченные ресурсы, которое общество готово выделить на здравоохранение, следует распределять равномерно, точнее, в соответствии с медицинскими показаниями. Но во всех западных демократиях, особенно в США, даже при наличии бесплатного минимума медицинских услуг, богатые могут получить медицинскую помощь более высокого качества.

Кроме того, бесплатное здравоохранение и образование в бедных странах вводилось только социалистическими правительствами, считающимися авторитарными (СССР, Китай, Куба и другие), а в демократических странах того же уровня развития эти услуги были преимущественно платными, так что продолжительность жизни и уровень образования там были ниже. Страны с социалистическим прошлым даже в 2000 г. имели продолжительность жизни в среднем на пять лет больше, чем другие с таким же уровнем подушевого дохода.

Изменить стереотипы общественного сознания при контроле капитала над СМИ крайне трудно. В одном из исследований доказывается, что предвзятость прессы объясняется не политической ориентацией собственника газеты, а предпочтениями электората: в избирательных округах, традиционно голосующих, например, за республиканцев, газетам свойственно размещать прореспубликанские материалы, так как читателям больше нравится находить подтверждение (а не опровержение) своих взглядов, а прибыли газет (доходы от рекламы) зависят от тиража. Получается замкнутый круг: консервативные избиратели любят информацию, подтверждающую их взгляды; СМИ, заинтересованные в повышении тиража, эту информацию предоставляют; избиратели еще более укрепляются в своих консервативных взглядах.

Следовательно, тот, кто контролирует информацию, контролирует и общественное мнение — результаты выборов в демократиях и настроение населения в авторитарных странах. Представления о будущем формируются во многом на основе экстраполяции прошлых тенденций (адаптивные ожидания), а собственные возможности и способности, как правило, сильно переоцениваются (противоречивая вера широких слоев населения и в сохранение низкого неравенства, и в собственный экономический успех одновременно в 1990-е гг.). В условиях же незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) СМИ и избирательные кампании контролируются владельцами крупных состояний и лицами с высокими доходами, так что возникает замкнутый круг: рыночные реформы и

частная собственность порождают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы в поддержании своего экономического и политического влияния, но и обладают рычагами для этого через СМИ и демократические выборы.

Как же народ может контролировать СМИ, партийный и государственный аппарат, чтобы не допустить переориентации элиты на капитализм, если социалистическая система по каким-то причинам, хоть и временно, но теряет свой социальный динамизм? Все лидеры социалистических стран, похоже, понимали, чем грозит потеря контроля над аппаратом. «Без “аппарата” мы бы давно погибли, — писал В. Ленин в 1921 г. — Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма». Сталинские репрессии против элиты и аппарата, если вообще имели какое-то рациональное объяснение, возможно, преследовали именно цель сохранить лояльность правящего класса.

Николай Шмелев, известный писатель и экономист, «прораб перестройки», статьями которого зачитывалась вся страна в период гласности (конец 1980-х гг.), считал, что создание совнархозов в 1957 г. на самом деле было продиктовано соображениями политической борьбы. Н. Хрущев старался тогда преодолеть сопротивление министерской бюрократии и решил создать «две партии» — по сельскому хозяйству и промышленности. Кроме того, китайская «культурная революция», возможно, тоже имела целью предотвращение бюрократизации аппарата. Интересно, что Мао в самом конце жизни назвал «культурную революцию» одним из своих двух главных достижений.

Но, строго говоря, ответа на этот вопрос — как контролировать аппарат и как предотвратить переориентацию социалистического правящего класса на капитализм — в рецензируемой книге нет. Похоже, на данный момент он отсутствует как в других книгах, так и в самой жизни.

Вместо заключения: социализм умер, да здравствует социализм!

«Советский Союз не справился с важнейшей проблемой — как обуздать привилегированный класс, как контролировать высших руководителей — и таким образом не смог избежать исторического провала... Роковой недостаток советской системы заключается в том, что она не создала механизма, который позволил бы народу по-настоящему осуществлять свою власть как хозяину своей судьбы через по-настоящему эффективные ограничения для тех, кто находится у власти. Неограниченная власть приводит к злоупотреблению властью, и как только к власти приходят сторонники капиталистического пути, начинается разрушение системы...

Поэтому, если мы хотим извлечь уроки из распада Советского Союза, то, помимо постоянного повышения уровня производительности посредством коллективной мудрости и практических исследований, самое главное — не допустить предательства дела социализма высшими руководителями, а также не допустить разрастания бюрократического привилегированного класса, несовместимого с социалистической системой. Это самая большая задача и вызов будущего социалистического строительства» (*выводы*).

В конечном итоге социализм с его более равномерным распределением доходов и богатства более конкурентоспособен: издержки многочисленных негативных последствий высокого неравенства доходов, таких как большая социальная напряженность, высокая преступность и слабый институциональный потенциал государства, с течением времени становятся больше, чем выгоды от высокой нормы сбережений и инвестиций, которые делали капитализм конкурентоспособным в течение 500 лет. Новый социализм не обязательно будет означать полную ликвидацию рынков и частной собственности, но, скорее всего, существенно ограничит и то, и другое ради достижения более низкого неравенства доходов. Китайская модель (основанная на «азиатских ценностях», на преобладании общественных интересов над частными) сегодня оказывается более конкурентоспособной, чем либеральная западная модель, базирующаяся на «неотъемлемых правах человека».

Отсутствие готовности ограничить права человека в самых разных областях (отказ от прогрессивного налогообложения и активного регулирования доходов, ведущий к росту неравенства, нерешительность в ограничении выбросов парниковых газов в самих богатых странах, неспособность справиться с популизмом в медиапространстве и в политике) стимулирует внутренние конфликты, снижает конкурентоспособность и вызывает отставание от стран, более решительно ограничивающих права индивидуумов ради общего блага. Либеральный Запад испытывает нарастающие трудности и начинает проигрывать коллективистской Восточной Азии, мусульманскому Востоку и отчасти Южной Азии в экономическом и социальном прогрессе. Так что «китайская модель», если только в ее рамках удастся поставить под контроль элиту, станет непобедимой.

«Хотя крах Советского Союза и большинства других социалистических стран обошелся дорого и имел далеко идущие последствия, он не означал конца социалистического движения. Это следует рассматривать как серьезный шаг назад на пути человеческого общества вперед. Внутренние противоречия капиталистической системы непреодолимы, ее модель развития неустойчива, а стремление человечества к лучшему обществу не прекратится. Сможет ли социализм стать реальностью в будущем, зависит главным образом от того, смогут ли прогрессивные силы мира открыть для себя такой путь развития, который сможет не только устранить поляризацию, неравенство, войны, человеческое отчуждение и т. д., вызванные капиталистической системой, но и извлечь уроки из краха Советского Союза и других социалистических стран на практике, тем самым обеспечив институциональные гарантии для подлинной реализации человеческого самоосвобождения, и в конечном итоге превратить коммунизм из идеала в реальность» (предисловие).